

Agatha Christie[®]
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie[®]

Агата Кристи

Икс или игрек?

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie

N or M?

Copyright © 1941 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are
registered trademarks
of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere.
All rights reserved.

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Кристи, Агата.

К82 Икс или игрек? / Агата Кристи ; [пер. с
англ. Н. В. Некрасовой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 288 с. — (Агата Кристи.
Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-88011-9

Сыщики-любители Томми и Таппенс решают едва ли не самую сложную в их жизни задачу. В затерянном на пустынном побережье Англии пансионе, где обитают старушки, отставные полковники да старые девы, затаились и готовятся к активным действиям против Англии нацистские шпионы. Условно их называют «Икс» и «Игрек». Кто они? Как они выглядят? Как их вычислить? Сложнейшая головоломка дополняется опасными и непредсказуемыми приключениями...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-88011-9

© Некрасова Н.В.,
перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

I

В прихожей Томми Бересфорд снял пальто. Обстоятельно, аккуратно повесил его на деревянный крючок. Так же аккуратно и обстоятельно повесил на соседний крючок шляпу. Затем расправил плечи, изобразил на лице бодрую улыбку и вошел в гостиную, где сидела его жена и вязала шерстяную шапку-шлем из пряжи цвета хаки.

Стояла весна 1940 года.

Миссис Бересфорд бросила на него короткий взгляд и принялась вязать с удвоенным усердием. Через пару минут она спросила:

— Ну, какие новости в вечерних газетах?

Томми ответил:

— Блицкриг надвигается, гип-гип-ура! Во Франции дела плохи.

— Да, нерадостно, — сказала Таппенс.

Повисло молчание. Затем Томми сказал:

— Что же ты ничего не спросишь? Чего уж со мной церемониться.

— Понимаю, — ответила Таппенс. — Нарочитая вежливость раздражает. Но если я и спрошу, ты все

равно разозлишься. Да и к чему спрашивать? У тебя все на лбу написано.

— Я и не думал, что похож на грустную собачку.

— Нет, дорогой, — сказала Таппенс. — Просто у тебя такая деланая улыбка, что прямо душу рывает.

Томми ухмыльнулся:

— Неужели все так плохо?

— Даже хуже... Ладно, хватит. Ничего не выходит?

— Нет. Меня никуда не хотят брать. Таппенс, это просто ужасно, когда мужчину сорока шести лет заставляют чувствовать себя старой развалиной. Армия, флот, ВВС, Министерство иностранных дел — везде в один голос говорят: «Вы слишком стары, возможно, мы позвоним вам позже».

— Со мной та же песня, — сказала Таппенс. — Людей моего возраста в санитарки брать не хотят — извините, но нет. Да и никуда вообще не берут. Они скорее возьмут какую-нибудь легкомысленную девчонку, которая и ран в глаза не видала, и бинтов не стерилизовала — но только не меня, которая за три года, с пятнадцатого по восемнадцатый год¹, успела послужить и санитаркой, и операционной сестрой, и водителем грузовика... а потом я еще генерала возила! И между прочим, у меня очень даже неплохо получалось! А теперь я бедная, назойливая, занудная

¹ Речь идет о Первой мировой войне.

тетка средних лет, которая не хочет сидеть дома и вязать, как ей и подобает.

— Проклятая война, — мрачно сказал Томми.

— Война сама по себе дело страшное, — сказала Таппенс, — но когда тебе еще и ничего делать не дают, так вообще хоть ложись и помирай.

— Ну хотя бы у Деборы есть работа, — утешил ее Томми.

— С ней-то все в порядке, — ответила мать Деборы. — Я думаю, что она отлично справляется. Но я все равно уверена, Томми, что не уступила бы ей.

Томми ухмыльнулся:

— Она бы с этим поспорила.

— Дочери бывают несносны, — сказала Таппенс. — Особенно когда они тебя жалеют.

— А как Дерек порой делает мне скидку на возраст.. это просто невыносимо. У него прямо в глазах читаешь «бедный старый папа».

— Короче, — сказала Таппенс, — наши детки хотя и чудесные, но просто бесят.

Однако при упоминании близнецов, Дерека и Деборы, взгляды их смягчились.

— Наверное, — задумчиво сказал Томми, — нам просто трудно понять, что мы уже не юны и время наших подвигов миновало.

Таппенс коротко и гневно фыркнула, вздернула голову с черными блестящими кудряшками и сбросила с колен клубок.

— Значит, мы ни на что не годны, да? *Да?* Или нам это просто постоянно вбивают в голову, чтобы усвоили? Порой мне начинает казаться, что я вообще никогда ни на что не годилась.

— Возможно, — сказал Томми.

— Возможно. Но, в любом случае, когда-то ведь мы были действительно нужны. А теперь мне начинает казаться, что этого никогда и не было. Но ведь это было, Томми? Или нет? Это ведь правда, что однажды немецкие шпионы дали тебе по башке и похитили тебя? Ведь правда — мы однажды выследили опасного преступника и взяли его! Ведь это правда, что мы спасли девушку и добыли важные секретные документы, заслужив благодарность некоей страны?¹ Мы! Ты и я! Презируемые, никому не нужные мистер и миссис Бересфорд!

— Успокойся, дорогая. Все это ни к чему.

— Все равно, — сказала Таппенс, смаргивая слезу. — Я разочаровалась в нашем мистере Картере.

— Он написал нам очень приятное письмо...

— Он ничего не сделал, даже надежды нам не подал!

— Но ведь он сам сейчас не при делах. Как и мы. Он стар. Живет себе в Шотландии и рыбку ловит.

¹ Об этом рассказывается в романах А. Кристи «Таинственный противник» и «Партнеры по преступлению».

— Нам могли бы позволить сделать хоть что-нибудь для разведки, — тоскливо проговорила Таппенс.

— Возможно, мы не справились бы, — сказал Томми. — Возможно, в нынешние времена нам просто не хватило бы духу.

— Может быть, — сказала Таппенс. — Другие тоже так думают. Но возможно, как ты говоришь, когда доходит до дела... — Она вздохнула: — Хотелось бы, чтобы нам удалось найти хоть какое-то дело. С ума сойдешь от размышлений, когда у тебя столько времени.

Взгляд ее остановился на фотографии молодого человека в форме ВВС, с такой же широкой улыбкой, как у Томми.

— Мужчинам еще хуже, — сказал последний. — Женщина хоть вязанием себя может занять, упаковывать посылки или в столовых помогать.

— Я такими вещами могу заняться лет через двадцать, — ответила Таппенс. — Я еще не настолько стара, чтобы на этом успокоиться. Я ни рыба ни мясо...

В дверь позвонили. Таппенс встала, пересекла маленькую служебную квартирку и открыла дверь. На коврик перед нею стоял широкоплечий мужчина с большими светлыми усами и приветливым румяным лицом.

Он окинул ее коротким взглядом и спросил приятным голосом:

— Вы миссис Бересфорд?

— Да.

— Моя фамилия Грант. Я друг лорда Истхэмптона. Он предложил мне разыскать вас и вашего мужа.

— О, очень приятно, заходите. — Она провела его в гостиную. — Мой муж... э... капитан...

— Мистер.

— Мистер Грант. Он друг мистера Кар... лорда Истхэмптона.

Старый оперативный псевдоним бывшего начальника разведки — «мистер Картер» — куда легче подворачивался на язык, чем настоящее имя их старого друга.

Несколько минут все трое весело беседовали. Грант оказался приятным человеком с простыми манерами. Потом Таппенс вышла из комнаты и вернулась с шерри и стаканами.

Через несколько минут, во время паузы, мистер Грант сказал Томми:

— Я слышал, вы ищете работу, Бересфорд?

У Томми загорелись глаза.

— Да, это так. Не хотите ли вы сказать...

Грант рассмеялся и покачал головой.

— О нет, ничего в подобном духе. Боюсь, это придется оставить на долю молодых и энергичных или тех, кто варился во всем этом долгие годы. То дело, которое я вам собираюсь предложить, боюсь, довольно нудное. Кабинетная работа. Запол-

нение форм. Маркировка. Классификация. Вот такое дело.

Томми поскущнел.

— Понимаю.

— Это лучше, чем ничего, — подбодрил его Грант. — Короче, заходите как-нибудь ко мне. Министерство снабжения, кабинет двадцать два. Мы подберем вам какую-нибудь хорошую работу.

Зазвонил телефон. Таппенс взяла трубку.

— Алло? Да. Что?! — На том конце провода о чем-то взволнованно верещал писклявый голос. Таппенс изменилась в лице. — Когда? О Господи, конечно! Сейчас приеду!

Она положила трубку и повернулась к Томми:

— Это Морин.

— Я так и подумал. Узнал ее голос даже по телефону.

— Мне очень жаль, мистер Грант, — зачастила Таппенс, — но я должна поехать к подруге. Она упала и подвернула ногу, а с нею никого нет, кроме малолетней дочери. Мне надо поехать к ней, все уладить и найти ей какую-нибудь сиделку. Простите, пожалуйста.

— Конечно, миссис Бересфорд, я все понимаю.

Таппенс улыбнулась ему, схватила лежавшее на софе пальто, сунула руки в рукава и выскочила из комнаты. Хлопнула входная дверь.

Томми налил гостю еще стаканчик шерри.

— Посидите еще, — сказал он.

— Спасибо, — гость взял стакан. — По правде говоря, очень удачно получилось, что вашей жене позвонили. Это сэкономит нам время.

Томми уставился на него.

— Я не понимаю.

— Понимаете ли, Бересфорд, — неторопливо проговорил Грант, — если б вы пришли бы ко мне в министерство, то там я сделал бы вам иное предложение.

На веснушчатое лицо Томми начал возвращаться румянец.

— Вы хотите сказать...

— Истхэмптон предложил вас, — кивнул Грант. — Он сказал, что вы именно тот человек, который нам нужен для этого задания.

Томми шумно выдохнул.

— Рассказывайте, — сказал он.

— Естественно, все строго конфиденциально.

Томми кивнул.

— Даже ваша жена не должна знать. Вы понимаете?

— Прекрасно понимаю. Но мы прежде работали вместе...

— Да, я знаю. Однако это предложение только для вас.

— Понимаю. Хорошо.

— Для виду вам будет предложена, как я только что сказал, кабинетная работа в отделе министерст-

ва, функционирующего в Шотландии — в закрытом районе, куда ваша жена не сможет вас сопровождать. На самом деле вы будете находиться совершенно в другом месте.

Томми слушал.

— Вы ведь читали в газетах о так называемой «пятой колонне»? — спросил Грант. — В любом случае вы хотя бы примерно понимаете, что означает этот термин.

— Внутреннего врага, — пробормотал Томми.

— Именно так. Эту войну, Бересфорд, мы начали под фанфары. О, я не говорю о людях, которые действительно понимали суть дела, — мы всегда знали, с кем нам предстоит схватиться. Мы знали о способностях врага, его воздушных силах, его смертоносной решимости и скоординированности его отлично слаженной военной машины. Я имею в виду обывателя. Я говорю о том простодушном, туповатом демократе, который верит в то, во что хочет верить, — что Германия вот-вот рухнет, что она на пороге революции, что у нее не оружие, а жестянки, что тамошний народ голодает так, что солдаты падают в обморок на марше, и все такое. Как говорится, принимают желаемое за действительное.

А война обернулась совсем по-иному. И в начале-то все было неважно, а потом стало еще хуже. К простым людям претензий нет — к морякам, летчикам, солдатам в окопах. Но руководство было дур-

ным, и готовы к войне мы были плохо — возможно, это дефекты нашего характера. Мы не хотим войны, мы не рассматривали ее всерьез, мы оказались к ней не готовы.

Однако самое худшее уже позади. Мы исправили свои ошибки. Мы постепенно ставим нужных людей на нужные места. Мы начинаем вести войну так, как следовало с самого начала — уж будьте уверены, — если только не успеем ее проиграть. И опасность поражения исходит не извне — она не в количестве немецких бомбардировщиков, не в захвате Германией нейтральных стран и новых плацдармов для вторжения. Опасность идет изнутри. Это троянский конь. Можете называть ее «пятой колонной», если вам угодно. Она здесь, среди нас. Это мужчины и женщины — некоторые на высоких постах, некоторые в тени, но все они искренне верят в цели и догмы нацизма и желают подменить этими жесткими эффективными догмами туповатую ленивую свободу наших демократических институтов. — Грант подался вперед и произнес все тем же приятным бесстрастным голосом: — И мы не знаем, кто это.

— Но ведь наверняка... — начал Томми.

— Ну да, мы могли бы выловить мелкую рыбешку, — с некоторым раздражением сказал Грант. — Это достаточно просто. Но есть и другие. Мы знаем о них. Мы знаем как минимум о двух высокопостав-

ленных чиновниках Адмиралтейства — один должен быть членом штаба генерала Г. — и еще о трех в ВВС. Как минимум двое служат в разведке и имеют доступ к секретной информации кабинета министров. Мы знаем об этом потому, что именно так следует из хода событий. Об этом сигнализирует утечка информации — причем с самого верха — к врагу.

— Но я-то чем могу здесь помочь? — беспомощно спросил Томми. На его симпатичном лице было глубокое недоумение. — Я же никого из этих людей не знаю.

Грант кивнул.

— Вот именно. Вы не знаете никого из них — а они не знают вас.

Он помолчал, чтобы эта мысль улеглась у Томми в голове, и продолжил:

— Этим людям, этим высоко сидящим людям, известно большинство из наших агентов. Невозможно окончательно отрезать их от информации. Я просто не знаю, что делать. Я поехал к Истхэмптону. Сейчас он не у дел — болен, — но такой умной головы, как у него, я не встречал. Он вспомнил о вас. Вы работали на департамент свыше двадцати лет назад. Ваше имя никто с ним не свяжет. Ваше лицо никому не знакомо. Что вы скажете? Вы беретесь за это дело?

Восторженная улыбка расплылась на лице Томми буквально от уха до уха.